

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
С79

Olen Steinhauer
THE MIDDLEMAN

THE MIDDLEMAN Copyright
© 2018 by Third State, Inc. All rights reserved.

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на суперобложке *Вячеслава Коробейникова*

Стейнхауэр, Олен.

С79 Эпоха Отрицания / Олен Стейнхауэр ; [пер. с англ. В. В. Найденова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Легенда мирового детектива).

ISBN 978-5-04-101309-7

«Будоражающий триллер, темная история для темного времени».

— *The Washington Post*

«Пища для ума – и одновременно невероятный саспенс».

— *The Wall Street Journal*

«Умно, увлекательно, захватывает полностью».

— *New York Times*

«Бойцовский клуб», только на полном серьезе. Виртуозный детектив-триллер, идеально попавший в нерв нашего тревожного века. Все болевые точки современного мира под неожиданным углом. Олен Стейнхауэр заслужил славу тем, что не боится поднимать самые острые вопросы и выстраивать из ответов на них ошеломляющую интригу.

400 человек исчезли в одночасье. Избавившись от работы, семьи, денег, документов – от всего. Вместе с ними пропал одиозный оппозиционер, проповедник хаоса Мартин Бишоп. Что это было? Через короткое время Америка получила ответ: заявила о себе группировка «Тяжелая бригада», угрожающая существующему порядку. Чего она хочет? И так ли сильна, как заявляет? Это предстоит выяснить агенту Рейчел Прю. Бишоп – ее давний знакомец...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101309-7

© Найден В.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается Марго

Если никто не понимает —
Начни собственную революцию,
Обойдись без посредника.

Билли Брэгг
«*Waiting For the Great*
Leap Forwards»¹

¹ Цитируется песня британского фолк-артиста, известного своим протестным творчеством.

Воскресенье,
18 июня, 2017 год

Глава 01

Кевин Мур прислонился к стойке в баре «Суши-Така». Он по привычке сосчитал кольца в ролле с пряным тунцом: одно, второе, третье. Прямо архитектура. Потом начал привычный ритуал: разделил палочки для еды, положил имбирь, рассчитанную порцию васаби. По вкусу оказалось неплохо, но вместе с тем ничего особенного. Правда, с тех пор, как год назад Мур переехал на Западное побережье, он съел уже так много подобной пищи, что этот ритуал стал его второй натурой. Удовольствие, которое он испытывал от суши, относилось скорее к форме, а не к содержанию. И осознание этой незатейливой истины ощущалось как нечто важное.

Он перевел взгляд на окно напротив. Кевин, как всегда, наблюдал за происходящим. Несколько минут назад он заметил, как какой-то бездомный мочится на угол офисного здания на противоположной стороне улицы. И еще стоит, повернувшись к стене, как бы всем своим видом демонстрируя крайнее смущение. Но жители Сан-Франциско видели картины и похуже, поэтому на бездомного доходягу никто не обратил внимания. К тому времени, когда завибрировал телефон Мура, лежащий рядом с подносом, бездомный уже скрылся, и больше ничто не могло смутить спящих по улице туристов, бродяг и проституток или помешать им.

Номер звонившего был Кевину неизвестен.

— Алло? — сказал он, нажав на кнопку вызова.

— Пора ехать, Джордж, — произнес мужской голос.

Офисное здание тут же стало расплываться перед глазами.

— Уже?

— Да, и немедленно, — сказал голос, и связь прервалась.

Мур немного поморгал, пока картинка перед его глазами вновь не стала четкой. Нет, он не испугался, потому что уже несколько недель только и делал, что ждал этого момента. Каждое утро, направляясь в отдел канцтоваров в торговом центре «Потреро», где он пытался терпеливо отвечать на занудные вопросы клиентов, ожидание неминуемого события не давало ему покоя. Оно могло наступить в любой из таких дней. Но все никак не наступало, и через некоторое время Кевин начал задаваться вопросом, дождется ли он вообще этого дня. Может, Жасмин и Аарон просто погорячились, пустили ему пыль в глаза, и сейчас он просто теряет время. А теперь...

Нет, у него не возникло ни тени страха. Волнение было, да. Но только не страх.

Он снова взял телефон и просмотрел контакты: МАМА. Потом набрал: *«Уехал с друзьями, дам о себе знать, когда вернусь. хх¹»*. Отправил. После этого извлек из кармана бумажник и вытащил из него карточку «Мастеркард», водительские права, выданные в штате Виргиния, которые так и не поменял, и даже библиотечный абонемент. Оставил только дебетовую карту. Подойдя к ближайшей урне, Кевин опустил в нее грязную тарелку, чашку из-под супа, документы и сотовый телефон и, избавившись от своего груза, невольно выдохнул. Он был реалистом и понимал, что так нужно. Но не мог избавиться от ощущения того, как все-таки привык к своему телефону, собранному, как и у большинства, в одном из китайских полулегальных цехов. Кевин Мур любил современный мир, даже несмотря на всю свою ненависть к отдельным его аспектам.

Крышка урны захлопнулась. Дело было сделано.

Он небрежной походкой направился на переполненную транспортом Монтгомери-стрит, а потом двинулся южнее — на Маркет, мимо внушительных колонн здания «Ю-Эс-Бэнк». В банкомате

¹ Обозначение поцелуев.

снял со счета последние пятьсот восемьдесят долларов. Наличные он сунул в карман, а затем на углу Пайн нашел еще одну мусорную урну. *«До свидания, жестокий мир»* — с этими словами в урну отправилась и его дебетовая карта. Он огляделся вокруг, опасаясь, не заметил ли его кто-нибудь в этот ответственный момент. Но никто не посмотрел в его сторону. Как и на человека, писающего у стены. Мало ли что прохожий выбросил в урну. Наверняка какой-нибудь мусор. Так подумал бы каждый, даже если в этот момент посмотрел на него...

Кевина охватило неожиданное чувство легкости. С каждым новым часом волнение улетучивалось. Телефон и несколько банковских карт. Как же просто! Вот так, несколькими движениями он, по сути, «отшвартовался» от прежней жизни. Кто теперь поспорит, что его зовут не Джордж? Кто скажет, богат он или беден? Как теперь вообще понять, кто он такой? «Я — эксперт НАСА», мог бы теперь заявить Мур. Или: «Я коп». Единственное, чего ему теперь нельзя было говорить, так это то что он — революционер, который сражается с изъянами современного мира.

На Маркет-стрит он слился с толпой, направляющейся к станции «Барта», чтобы успеть на поезд, следующий в сторону «Питсбург/Бэй-Пойнт». Добрался до платформы как раз вовремя, когда из темноты с гулом вынырнул серый поезд. Несмотря на порывы холодного ветра, Кевин даже слегка вспотел. Стоящие вокруг люди неотрывно смотрели на экраны своих телефонов. В любой другой день он занимался бы тем же.

Мур вновь почувствовал головокружение. Легкое головокружение, возникшее, как он понял теперь, из-за состояния отрешенности. К тому же здесь было душновато. Он попытался найти себе место, чтобы сесть, но до «Оринды» все-таки пришлось ехать стоя. Потом он уселся рядом со старухой, которая держала в руках раскрытую Библию. Заглянув ей через плечо, мужчина понял, что она читает что-то из Левита. Когда она покосилась на него, он тут же извинился.

- Вы что же, верующий? — спросила пассажирка.
- Был в свое время, — ответил он — и не соврал.

На лице старухи заиграла довольная улыбка, и она протянула ему Библию.

— У меня таких много, — сказала она.

Кевин попытался отказаться, но ее настойчивость выглядела такой искренней, что он уступил и взял книгу. Когда он вышел на «Уолнат-Крик», это был его единственный багаж. Подождав, пока поезд снова не тронется, он швырнул книгу в урну, после чего спустился по лестнице в подземный переход. Прислонившись к стене, Мур расшнуровал левую кроссовку, а затем снял ее. Держа ее в руке, он вышел с ней на солнце, слегка хромая из-за нетвердой походки и почти не ощущая всей смехотворности своего положения. Встав у обочины, мужчина принялся ждать. Он ждал и наблюдал. Мимо сновали автомобили, но он старался не выглядеть человеком, который чего-то ждет, и лишь тайком вглядывался в ветровые стекла, то и дело посматривая в сторону большой парковки.

Инструкции были очень краткие. Нужно было снять левый ботинок и просто ждать. Возможно, появится Аарон. Или, чего доброго, подъедет мать и скажет, чтобы он поскорее прекращал это безобразие. Могло произойти все что угодно.

Муру показалось, что прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем подъехал старый «Понтиак», выпущенный, если судить по внешнему виду, в шестидесятые годы. Сидящий за рулем поджарый мужчина неопределенного возраста наклонился через пассажирское кресло и опустил стекло.

— Это вы, Джордж? — спросил Кевин.

— Садись, — услышал он грубоватый голос в ответ.

Мур открыл дверь и погрузился в аромат сигаретного дыма и жареной еды. Джордж завел мотор, и они медленно двинулись вперед.

Когда они выехали с парковки и поехали в сторону Оклендского бульвара, Кевин надел ботинок и завязал шнурки.

— Итак, — сказал он. — Куда теперь?

— Прочь отсюда.

— Далеко?

— Теперь это уже не твоя забота, приятель...

Глава 02

А на другом конце Америки, в Нью-Джерси, в самом разгаре была светская вечеринка. Хозяин мероприятия, Билл Феррис, справедливо предположил, что не знает и четверти своих гостей, а большинство гостей понятия не имели, что здесь отмечается его отставка. Уход на пенсию из мира шоу-бизнеса, где он долгие годы проработал юрисконсультom.

Некоторые были сбиты с толку тем, что одновременно отмечается еще и День отца, и искренне желали счастья бездетному хозяину вечеринки. Ну а другие — главным образом соседи — явились сюда исключительно ради бесплатной выпивки. Но едва ли это сильно беспокоило Билла. Они с Джинной были существами социальными — десятилетиями вращались среди художников, актеров, гуру и завсегдатаев шведских столов. Им больше всего нравилось наблюдать, как эта пестрая братия общается между собой на нейтральной территории...

Детей благополучно изолировали внутри огороженного батута. Острый аромат дешевой травки сливался с обрывками бесед о росте безработицы в центральной части страны, о последних корпоративных слияниях, о недавнем оправдании одного полицейского из Ньюарка, который застрелил чернокожего на глазах у жены и дочери, о расследовании фактов отмывания денег в «Плейнс Кэпитал Бэнк» в Оклахома-Сити, о франкфуртской IfW и, как всегда, о «ПОТУС #45».

Теплый ветерок донес чей-то голос:

— К черту все, приятель. Сваливаю в Канаду.

Когда приехали Дэвид и Ингрид Паркер, Билл стоял у парадного крыльца, расписываясь за бочонок темного немецкого пива «Шайнер-Бок», который пришлось заказать сверх нормы. Он поцеловал Ингрид в вечно румяные щеки и справился о ее здоровье — у нее только что начался второй триместр.

— У тебя пропадает столько еды, — заметила Паркер, закидывая назад длинные каштановые волосы. Она заботливо отращивала их

целый год, чтобы потом пожертвовать их на парики для больных раком. — Чем тут у тебя можно полакомиться?

— Все в твоём распоряжении, — заверил её Феррис и улыбнулся.

С Паркерами он познакомился десять лет назад, в две тысячи седьмом, во время своего месячного пребывания в Берлине, куда приезжал на переговоры о продаже одной мелкой студии. Они подружились. Ингрид занималась составлением заявок в «Старлинг Траст» на получение грантов, в то время как Дэвид наслаждался распутной жизнью писателя-эмигранта. Правда, его дебютный роман «Серый снег», история выживших узников концлагеря, которые пробирались к себе на родину, в Югославию, через апокалиптический пейзаж послевоенной Европы, собрал прекрасные отзывы на родине. И к тому времени, когда его встретил Билл, Паркер уже неистово работал над продолжением — романом «Красный дождь».

Читательская аудитория Дэвида оказалась небольшой, но он вел романтическую жизнь изгоя, и до две тысячи девятого года такое положение вещей его вполне устраивало. Но в начале того года в одном из жилых домов взорвалась бомба, заложенная террористами. В тот момент писатель как раз переходил улицу. Подобное соприкосновение со смертью разом изменило все, и теперь его стремление к успеху сделалось просто неудержимым. Первым шагом стал переезд на Манхэттен, в самое сердце американского книгоиздания, где, как ему казалось, перед ним откроются все двери. Вначале Ингрид сопротивлялась, но в итоге Дэвид все-таки настоял на своем. Она добилась перевода в нью-йоркскую штабквартиру фонда «Старлинг Траст», и они переехали в съемную квартиру в Верхнем Ист-Сайде. Там Паркер и проводил все дни, сгорбившись над неразлучным ноутбуком. Сочинял, набирал, переписывал. Старался превратить в подлинный шедевр. Он просто жаждал успеха.

Вот почему после пяти лет тяжелой работы Дэвид был ошеломлен, когда редактор взял да и отклонил все восемьсот страниц его «Балканской Америки». Потом выяснилось, что Ингрид беременна, и денежный вопрос обострился как никогда. Ее зарплаты

хватало лишь на аренду квартиры. Экономя на всем, они тщетно пытались планировать свои будущие расходы, когда в семье появляется пополнение...

На заднем дворе Дэвид встал рядом с Биллом, который следил за стейками из говядины вагю¹. Хотя гостей вполне профессионально обслуживали нанятые официанты, в том, что касается гриля, Феррис настаивал на личном участии. Они внимательно посмотрели в сторону батута. Только что приехал специально нанятый клоун — развлекать отпрысков левых. В этот момент Билл рассказал о своем споре с Джинной.

— Она, видите ли, хочет переехать на юг. Во Флориду. Представляешь? Меня тошнит от одной только мысли о жизни в таком культурном захолустье.

Паркер ответил сочувственной улыбкой, но мысли его в тот момент бродили где-то очень далеко от затронутой темы.

— Что там у вас с Ингрид? — спросил Феррис.

Улыбка тут же исчезла с лица Дэвида.

— Она дает мне месяц.

— На что?

— На то, чтобы я нашел себе стабильную работу.

— Но ведь у тебя, кажется, еще имеются кое-какие сбережения, не так ли?

— Мы слишком много потратили. Все проели. Вчистую.

Билл промолчал.

— Никогда не думал, что деньги могут так быстро кончиться, — сказал гость.

— Да что там говорить...

Дэвид снова выпил, посмотрев на суесящихся повсюду гостей.

— Возможно, нам все-таки стоило выкинуть белый флаг и возвратиться в Берлин. Мы спорим всякий раз, когда включаем новости. Эта страна — сплошной хаос.

— Тогда не смотри новости.

¹ Мраморное (то есть с внушительными прожилками внутримышечного жира) мясо ряда японских пород.